

R E C E N Z J E

KRISTINA VORONTSOVA

Uniwersytet Jagielloński

Szigethi András, *A szellem anyajegyei – Lermontovtól Ulickájáig*
/ Андраш Сигетхи, *Родинки духа — от Лермонтова до Улицкой*,
Protea Kulturális Egyesület, Budapest 2017, 160 s.

Рецензируемая книга является своеобразным подведением итогов тридцатилетних исследований русской литературы и философии венгерским славистом Андрашем Сигетхи из Печского университета. Рассматриваемый том представляет собой сборник из восьми статей, опубликованных ранее в журналах и коллективных монографиях, однако переработанных автором специально для данного издания и объединенных под единой обложкой общей идеей «пневматологического видения» (с. 85) художественного произведения исследователем.

В *Предисловии* описательно раскрывается содержание понятия «пневматология», которое исследователь считает ключевым для своих научных трудов. По словам Сигетхи, пневматология безразлична по отношению к мировоззренческим пресуппозициям, предрассудкам исследователя, но бесподобно чувствительна к духовной предрасположенности, антропологическим убеждениям, даже мистическим переживаниям автора разбираемого художественного материала (с. 85).

Опираясь на экзистенциализирующую философию «русского ренессанса» рубежа веков (в частности, духовную антропологию Николая Бердяева) и пневматологическую эстетику Вячеслава Иванова и Андрея Белого, автор пытается проследить связи между искусством и экзистенциальной личностью, ее духовной составляющей на конкретных литературных примерах.

Поражает широта научных интересов Сигетхи: исследовательское внимание слависта обращено и на современную женскую прозу (роман Людмилы Улицкой *Медя и ее дети*), и на шедевры русской прозы первой половины XX века (*Защита Лужина* Владимира Набокова, *Чистый понедельник* Ивана Бунина), и на всемирно признанную классику Льва Толстого и Федора Достоевского, и на поэзию Михаила Лермонтова. Идя против собственного названия, автор выстраивает порядок статей реверсивно: от Улицкой до Лермонтова, — словно углубляясь в прошлое и все дальше уходя в бытийность от быта вслед за любимыми им русскими философами-экзистенциалистами. Впрочем, не остаются без внимания исследователя и вопросы практики

переводоведения, а также эстетических аспектов русской софиологии.

Открывает сборник статья *Катарсис — физиологический и эстетический. Аллопатическое и гомеопатическое начала в поэтике романа Людмилы Улицкой «Медя и ее дети»*, в которой Сигетхи проводит параллель между медициной и филологией, однако исследовательское внимание концентрируется не на ставшей уже привычной патографии художественного текста с ее традиционным диагностированием и собиранием анамнеза больного, а на «антропологическом единстве слова и плоти» (с. 89), своеобразном аналоге комплементарной медицины в литературоведении. Использованное в заглавии слово «аллопатия» — название, данное гомеопатами для обозначения классической фармакотерапии, — наводит читателя на мысль о том, что сам автор причисляет себя к сторонникам «альтернативного» подхода. И в самом деле, роман-хроника Улицкой, в его интерпретации, становится «медицинским романом», «романом “исцеления”», «романом социальной и социопсихологической гигиены» (с. 91), а главным лекарством называется время, при этом исследователь использует убедительную аргументацию для своей, «комплементарной» точки зрения.

Вторая статья *Явственная красота и непроницаемая тайна. Сокровенные узоры непостижимого в повести «Защита Лужина» Владимира Набокова*, в свою очередь, на конкретных примерах из текста доказывает тезис о игровой поэтике Набокова с чрезвычайно четким разграничением духовно-культурного и эмпирического пластов бытия. Шахматная партия в повести называется символом духовного поединка, однако, по замечанию Сигетхи, это поединки между автором и читателем-интерпретатором художественного произведения. Аргументируя этот тезис, автор приводит примеры «сокровенных узоров», загадок, ловушек, приготовленных Набоковым, словно составителем шахматных задач.

В части под заглавием *«Утробность» и «духовность» мироощущения. Опыт духовной антропологии в позднем творчестве Ивана Бунина* Сигетхи помещает писателя в контекст мыслителей духовной антропологии «русского ренессанса». Исследовательское внимание концентрируется на творческой эволюции Бунина от «утробности», телесности раннего творчества до аскетической «духовности» — позднего.

Статьи, посвященные «столпам» русской классической литературы — Толстому и Достоевскому (*Концепт «религии человечества» в поэтике повести «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого и Апофатический принцип и диалогизация в романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского*), по сути, объединены общей проблематикой — поисками «духовной родины» (с. 124) представителей «русского ренессанса» в произведениях писателей. И *Легенда о Великом Инквизиторе*, и об-

раз Хаджи-Мурата, по мнению венгерского слависта, обладают неисчерпаемым культурологическим и этико-онтологическим потенциалом, с чем, само собой, трудно не согласиться читателю.

От прозы к поэтическому творчеству обращается Сигетхи в статье «*Верность контрапункту*»: метасловесный слой стихов Лермонтова, автор остается внимательным и вдумчивым интерпретатором, а в качестве инструментария вновь использует медицинскую терминологию: перед читателем «попытка стиховедческой вивисекции ритмического корпуса *Русалки* Лермонтова “световым скальпелем” семиотического аппарата» (с. 131). Исследователь, если мыслить метафорически, препарирует текст «по живому», как и положено в ходе подобных операций, чтобы разобраться во внутренних процессах функционирования «организма», коим является любое художественное произведение.

Отмечая несомненную семиотическую многослойность *Русалки*, Сигетхи выделяет в первую очередь особую важность метрической системы стихотворения для «пневматологической» концепции поэтического мира Лермонтова и призывает литературоведов обратить внимание на метасловесный пласт, форму, «материю» (с. 132) звучащего слова, из которого по принципу контрапункта строится иерархия духовного содержания. Исследователь, доказывая связь между метрическим рисунком текста и «сокровенными» идеями, заложенными в нем, в самом деле умело «препарирует» ритмические узоры и показывает, как именно звуковая симметрия повторяется в композиции и принципах построения художественного фольклорного мира *Русалки*.

Предпоследняя статья сборника *Пневматологический аспект эстетических основ русской литературной софиологии* представляет собой своеобразный набор философских «ключей» к «пневматологическому видению» Сигетхи-литературоведа, возникающего под влиянием идей русской софиологии. Исследователь убедительно демонстрирует, что софийная образность, возникшая во взаимоотношениях «богословской плотскости и антропологической духовности» (с. 143), значительно повлияла на современную герменевтику и является серьезным методологическим аппаратом литературоведческого анализа.

Своего рода подведением итогов в работе над «пневматологией» русской литературы и философии становится заключительная статья сборника «*Герменевтическая дуга*» и практика перевода, в которой автор пытается свести воедино «теоретический подход и “сырой” практический опыт» (с. 149) в переводческой деятельности. Основываясь на переводе стихотворения Сергея Есенина *Не бродить, не мять в кустах багряных...*, выполненном венгерской поэтессой и переводчицей Жужей Раб, и анонимной критике к нему (к сожалению, цитата критика дана в оригинале без русскоязычного варианта, поэтому читателю

довольно непросто разобраться в сути филологических претензий), Сигетхи доказывает мысль о том, что переводчик художественного текста должен быть в равной мере герменевтом-интерпретатором и «со-автором-интерпретатором» (с. 152).

Своеобразием этой небольшой по объему, однако чрезвычайно насыщенной по содержанию книги является и ее двуязычие: она разделена на венгерскую и русскую части, полностью повторяющие друг друга. Не имея, к сожалению, возможности оценить венгерский вариант, отмечу, однако, что русскоязычная часть написана очень живо и увлекательно и читается как талантливая эссеистика, а не просто наукоемкое исследование.

Иными словами, книга Андраша Сигетхи *Родинки духа — от Лермонтова до Улицкой* — это уникальная возможность для русистов взглянуть на определенные произведения, которые мы привыкли считать «зачитанными до дыр» (даже первый роман Людмилы Улицкой, чрезвычайно любимый литературоведами, уже по праву можно отнести к этой категории), совсем под иным углом «духовной антропологии» (с. 6). Статьи венгерского слависта, без сомнения, окажутся полезными в преподавании университетских курсов по истории русской литературы XIX–XX веков, а также на занятиях по русской философии Серебряного века.

AURELIA KOTKIEWICZ

Uniwersytet Pedagogiczny, Kraków

Beata Pawletko, *Blokada Leningradu i jej reprezentacje w świetle innych doświadczeń granicznych*, Śląsk–Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych, Katowice 2016, s. 332 [Biblioteka „Przeglądu Rusycystycznego” nr 20].

Książka Beaty Pawletko poświęcona jest jednemu z najbardziej traumatycznych wydarzeń w historii Rosji, jakim była blokada Leningradu (1941–1944). Autorka rozpatruje blokadę w kontekście Holocaustu, Auschwitz, Powstania Warszawskiego, Wielkiego Głodu, Gułagu — innych sytuacji granicznych, które stały się doświadczeniem wielu narodów europejskich. Czytamy w książce: „Blokada Leningradu to obok piekła obozów koncentracyjnych i łagrów kolejny okrutny sprawdzian ludzkich możliwości, odruchów, reakcji” (s.105).

Celem zasadniczym, jaki postawiła przed sobą Beata Pawletko, była próba pokazania złożoności, wyjątkowości i odmienności blokady. Autorkę interesują pamięciowe reprezentacje leningradzkiej traumy, przejawiające się w języku i różnorodnych środkach wyrazu, wypracowanych przez rosyjski dyskurs pamięciowy w ciągu kilkudziesięciu lat, poczynając od oficjalnej, wymuszonej przez cenzurę zwycięskiej i bohaterzkiej narracji po mikronarracje, oddające głos ofiarom — cywilom, mieszkańcom oblężonego miasta.